
Визит министра иностранных дел Японии М. Сигемицу в Москву и территориальный вопрос (лето 1956 г.)

Вячеслав Сафронов

В начале июня 1955 г. в Лондоне открылись переговоры о нормализации отношений между СССР и Японией, разорванных в августе 1945 г. в связи с начавшейся советско-японской войной. Их вели посол Я.А. Малик и депутат парламента, бывший дипломат С. Мацумото. Вместо того чтобы ограничиться на переговорах только задачей восстановления дипломатических отношений, советская сторона зачем-то втянулась в длительные и бесперспективные дискуссии по территориальному вопросу, которые не принесли ей и, главное, по определению не могли принести никаких дивидендов, а вызвали и продолжают вызывать лишь ненужную головную боль как в многомесячном диалоге с Токио в 1955–1956 гг., так и на протяжении всех последующих десятилетий вплоть до сегодняшнего дня. Но ещё более непростительный и грубый стратегический просчёт советская дипломатия допустила в августе–сентябре 1955 г., когда по поручению Москвы Малик сначала намекнул, а затем открыто пообещал японцам уступить оспариваемые ими острова Шикотан и Хабомаи взамен на их согласие заключить мирный договор с СССР, признававший за ним суверенитет на всю Большую Курильскую гряду от Камчатки до японского острова Хоккайдо, и прежде всего на два южных, также оспариваемых острова – Кунашир и Итуруп.

Эта уступка Москвы была совершенно бессмысленной и пустой, просто безвозмездным подарком Японии, ибо ни при каких обстоятельствах не могла принести советскому руководству желаемых результатов. Не могла не только в силу нежелания Токио удовлетвориться столь малой подачкой, но прежде всего из-за не подписанного Кремлём Сан-Францисского мирного договора 1951 г. с Японией, по существу запрещавшего ей предоставлять СССР в ходе последующего мирного урегулирования какие-либо большие преимущества по сравнению с участниками указанного договора.

В данном случае эти большие преимущества касались именно возможного признания Японией суверенитета СССР над южной частью Курильских островов, что выходило за рамки Сан-Францисского договора, по которому Токио лишь отказывался от прав, правооснований и претензий на Курилы¹, а сама их юридическая принадлежность никак не определялась. За отступление в дальнейшем от этих ограничений Японии грозили санкции, придуманные главным автором договора американским политическим деятелем и будущим госсекретарём Дж. Даллесом. Но они в тексте были им так хитро завуалированы, что ни японская, ни советская дипломатия не сумели раскусить его замысел и упорно продолжали, не замечая подвоха, свои давно буксовавшие переговоры, пока не угодили в августе 1956 г. в расставленную Даллесом ловушку, от которой больше пострадала именно Москва со своим опрометчивым и повисшим в воздухе обещанием по Шикотану и Хабомаи.

Переговоры в Лондоне надолго прервались в марте 1956 г. из-за непримиримости сторон в курильском вопросе, хотя значительная часть мирного договора между СССР и Японией была уже согласована. Токио не только не соглашался признать советский суверенитет над Кунаширом и Итурупом, но, напротив, требовал возвращения их Японии. Затем в ходе весеннего визита в советскую столицу японского министра сельского и лесного хозяйства И. Коно была достигнута договорённость о возобновлении не позднее конца июля официальных переговоров теперь уже в Москве, на высоком уровне и с участием японского министра иностранных дел М. Сигемицу (Сигэмицу). Очень важный визит Сигемицу явно недостаточно изучен в отечественной и зарубежной литературе и поэтому требует особого внимания и освещения с использованием обширных российских архивных источников.

Переговоры в Москве возобновились 31 июля 1956 г. – в последний день установленного для их начала срока. Первое заседание открылось вступительной речью главы советской делегации, министра иностранных дел Д.Т. Шепилова, который дал краткий обзор предшествовавших переговоров в Лондоне. Отметив, что там были согласованы и отредактированы большинство статей проекта мирного договора, он подчеркнул, что по существу остаётся окончательно договориться лишь о редакции двух статей – территориальной и о проливах². Причём на самом деле речь шла только о первой из них, ибо в случае достижения согласия по ней вторую советское правительство готово было снять. Снимать же её заранее в сложившихся условиях было бы тактически ошибочно, так как она являлась средством получения уступок от Токио и достижения компромиссов по территориальной статье, своеобразным противовесом ей. Шепилов напомнил, что по территориальному вопросу СССР пошёл на существенные уступки Японии, согласившись передать ей при определённых условиях острова Хабомаи и Шикотан. При этом он особо отметил, что данные острова принадлежат Советскому Союзу в соответствии с международными соглашениями военного и послевоенного времени, а уступка делается с учётом интересов Японии и в стремлении успешно завершить переговоры, и это – окончательная позиция Москвы. Она ясно и исчерпывающим образом была изложена председателем Совета министров СССР Н.А. Булганиным в беседе с Коно 9 мая 1956 г., в связи с чем советская сторона хочет, чтобы Сигемицу изложил мнение японского правительства³.

В своём выступлении японский министр привёл множество различных аргументов в защиту позиции своей страны, большинство из которых в той или иной форме неоднократно излагались Мацумото во время переговоров с Маликом в Лондоне, но часть звучала по-новому. Так, Сигемицу повторил старый тезис о том, что Сан-Францисский мирный договор вовсе не обязывает Японию отказываться от её «исконных» территорий (т.е. Кунашира и Итурупа. – В.С.), признанных за неё Симодским (1855 г.) и Петербургским (1875 г.) договорами, хотя она отказалась от прав и претензий на Южный Сахалин и Курильские острова. Он заявил, что ныне японское правительство не имеет никакого намерения отстаивать своё право на эти территории в отношении стран – участниц Сан-Францисского договора. Но, поскольку советское правительство не подписало этот договор, вопрос о территориях ещё не нашёл своего разрешения между Японией и СССР и, следовательно, при нормализации отношений

² АВП РФ, ф. 0536, оп. 1, д. 186, л. 3–4.

³ Там же, л. 3–5.

его следует решить в первую очередь⁴. Выражая несогласие с традиционной советской точкой зрения о решённости территориального вопроса, Сигемицу сослался на положение Потсдамской декларации США, Великобритании, Китая и СССР от 26 июля 1945 г. о том, что союзники укажут, какие ещё острова, кроме четырёх главных, будут принадлежать Японии после капитуляции. В этой связи, опираясь на консультации с американским Госдепартаментом, он выдвинул не использовавшийся ранее тезис: союзные страны, как уточнило японское правительство, никогда не выносили определённого решения по территориальному вопросу⁵.

Затем министр внёс новое предложение, свидетельствовавшее об уступке, на которую решил пойти Токио ради получения согласия Москвы на возврат Кунашира и Итурупа. Он заявил, что Япония не возражает против подтверждения своего отказа от прав и претензий на Южный Сахалин и Курильские острова, сделанного ею в отношении участников Сан-Францисского договора, также и по отношению к СССР в том случае, если советская сторона признает её права на Кунашир и Итуруп, которые являются «исконной» территорией Японии и не входят в состав Курильских островов, упоминавшихся в Сан-Францисском договоре⁶. Это означало снятие Токио требования, постоянно выдвигавшегося начиная с 30 августа 1955 г., о передаче вопроса о судьбе Южного Сахалина и Курил на международную конференцию, но только при условии удовлетворения своего главного требования. Собственно, ровно то же самое рекомендовал японцам сделать и американский Госдепартамент в качестве одной из альтернатив решения вопроса о Кунашире и Итурупе.

Призывая советскую сторону вернуть эти два острова, Сигемицу привёл доводы, опиравшиеся на международные акты союзников периода Второй мировой войны и неоднократно использовавшиеся японской стороной в ходе лондонских переговоров. Он, в частности, сослался на союзнические Атлантическую хартию 1941 г., Каирскую (1943 г.) и Потсдамскую (1945 г.) декларации как на документы, провозглашавшие принципы отношений между странами, согласно которым должны уважаться исконные территории любой страны. Указав на эти принципы, Сигемицу выразил убеждение, что при восстановлении отношений с Японией СССР выведет войска с её исконной территории и прекратит её оккупацию. Если бы оккупация была увековечена, добавил он, это было бы не что иное, как проявление политики с позиции силы, противоречащей международным принципам взаимоотношений государств, и не соответствовало бы духу нормализации отношений между СССР и Японией⁷.

Подытоживая эту часть беседы, Сигемицу передал Шепилову новый японский проект территориальной статьи, изложенной в том же духе. Он не во всём был тождествен предыдущему японскому варианту, предложенному 30 августа 1955 г., как об этом ошибочно пишут некоторые отечественные историки. Аналогичными являлись лишь пункты 1(а) и 2. В первом из них вновь провозглашалось полное восстановление суверенитета Японии со дня вступления в силу мирного договора не только над островами Шикотан и Хабомаи, но также и над Итурупом и Кунаширом. Во втором опять оговаривался вывод войск и госслужащих СССР с указанных островов в максимально короткий срок, но не

⁴ Там же, л. 7–8.

⁵ Там же, л. 8.

⁶ Там же.

⁷ Там же, л. 9–10.

более 90 дней. А вот новая редакция пункта 1(б) принципиально отличалась от предшествовавшей. Если прежде в нём указывалось на необходимость решения вопроса о принадлежности Южного Сахалина с прилегающими к нему островами, а также Курильских островов на многосторонних международных переговорах, то теперь Токио снимал данное положение и фиксировал новое: «Признаётся, что Япония в соответствии со статьёй 2 [Сан-Францисского] мирного договора... отказалась от всех прав, правооснований и претензий в отношении этих территорий»⁸.

На первый взгляд, это просто подтверждение Японией своих обязательств по Сан-Францисскому договору, но, если помнить, на смену какому требованию оно пришло, нельзя не заметить здесь существенной уступки с её стороны, устранения совершенно необоснованной и надуманной претензии к СССР в отношении того, от чего она отказалась; претензии, подсказанной Вашингтоном и осложнявшей советско-японские переговоры почти целый год. Правда, с правовой точки зрения такое подтверждение являлось излишним, поскольку совершенно неважно, перед какими конкретно государствами Япония отказалась от прав на упомянутые территории, раз не зафиксировано, в чью пользу это сделано, ибо единственно существенным моментом в данном случае выступает сам факт отказа, носящий юридически значимый характер. Важный аспект данного подтверждения заключался также в том, что, в соответствии с ним, Токио больше не оспаривал принадлежность Южного Сахалина и «Курильских островов» (т.е. по-японски – без Итурупа и Кунашира) Советскому Союзу, хотя и не заявлял о признании их его территорией. Этот двойственный момент проявился и в нежелании японской стороны зафиксировать в своём проекте мирного договора прохождение границы между обоими государствами, как это было в советском тексте.

Представленный японским министром новый вариант территориальной статьи мирного договора оказался неожиданным для советской стороны, и у Шепилова не было на него готового ответа. Поэтому он пообещал тщательно изучить заявление Сигемицу по данному вопросу и высказаться по нему особо в другой раз, но в качестве первого впечатления тем не менее указал на отсутствие прогресса в позиции японской делегации по сравнению с той, которую она занимала в Лондоне⁹.

Вновь главный вопрос московских переговоров – территориальный – Шепилов затронул на следующем заседании делегаций, 3 августа. Он сразу же заявил, что в результате ознакомления с новым японским проектом соответствующей статьи, вручённым японцами 31 июля, советская сторона пришла к выводу о совершенной его неприемлемости для неё, поскольку в нём не содержится ничего нового по сравнению с предыдущими японскими предложениями, и Токио по-прежнему настаивает на передаче ему Кунашира и Итурупа¹⁰. Затем Шепилов представил весомые контраргументы Москвы по основным пунктам японской позиции, высказанной Сигемицу на первом заседании.

Прежде всего он отверг попытки японской стороны представить дело так, будто территориальный вопрос не является решённым соответствующими международными соглашениями, и назвал необоснованными и нереальными её намерения добиваться изменения по нему советской позиции. Затем он

⁸Там же, л. 18.

⁹Там же, л. 12.

¹⁰Там же, л. 29.

парировал доводы Сигемицу исторического характера относительно признания Россией «исконной» принадлежности Японии островов Итуруп и Кунашир по Симодскому и Петербургскому договорам, подчеркнув, что последняя лишила себя права ссылаться на них, поскольку нарушила их нападением на Россию в 1904 г., причинением ей огромного ущерба, отторжением Южного Сахалина и навязыванием тяжёлых и несправедливых условий Портсмутского мира 1905 г. Помимо этого, в 1920-е гг. она нарушила и этот договор, незаконно оккупировав Северный Сахалин и советский Дальний Восток¹¹.

Шепилов опроверг как несоответствующее фактам замечание Сигемицу о том, будто союзные страны никогда не выносили определённого решения по территориальному вопросу в отношении Японии, и сослался при этом на все известные и упоминавшиеся ранее международные акты – Каирскую и Потсдамскую декларации, Ялтинское соглашение, Акт о капитуляции Японии и Сан-Францисский мирный договор¹². Советский министр указал также на полную безосновательность утверждения своего японского коллеги, что Кунашир и Итуруп якобы не входят в состав Курильских островов, упоминавшихся в последнем договоре, аргументируя это отсутствием в нём хотя бы одной статьи или положения, которые выделяли бы указанные два острова из всей Курильской гряды¹³. Он, однако, не привёл в доказательство другой широко известный и важный факт – высказывание тогдашнего японского премьера С. Иосиды на Сан-Францисской конференции 7 сентября 1951 г., относившее Кунашир и Итуруп к южнокурильским островам¹⁴.

Наконец, Шепилов отверг ссылку Сигемицу на Атлантическую хартию 1941 г. как документ, в соответствии с которым СССР обязан-де уважать территориальную целостность Японии, подчеркнув, что она появилась ещё до вступления последней в войну и впоследствии подписавшие её государства подписали также Каирскую и Потсдамскую декларации, Ялтинское соглашение по Дальнему Востоку 1945 г. и Сан-Францисский мирный договор. Следовательно, этими международными соглашениями за Советским Союзом признано полное суверенное право на Южный Сахалин и все Курильские острова¹⁵.

Глава советской делегации подчеркнул, что в соответствии со своей миролюбивой политикой СССР пошёл навстречу Японии и сделал существенные уступки, согласившись передать ей при определённых условиях острова Хабомаи и Шикотан, и ожидал правильного понимания ею такого великодушного шага, но этого пока ещё не видно. В данной связи он напомнил слова Булганина, сказанные в беседе с министром Коно 9 мая 1956 г., о том, что эта уступка была трудным решением для СССР, принятым с целью скорейшего урегулирования отношений между обоими государствами, и может быть осуществлена лишь при условии полной нормализации таковых, т.е. заключения мирного договора; что претензии Японии в отношении Кунашира и Итурупа нельзя рассматривать иначе, как тормоз на пути урегулирования отношений, и СССР не пойдёт ни на какие дальнейшие уступки в территориальном вопросе¹⁶.

¹¹ Там же.

¹² Там же, л. 30–31.

¹³ Там же, л. 31.

¹⁴ Conference for the Conclusion and Signature of the Treaty of Peace with Japan. Record of Proceedings. Washington, 1951. P. 277.

¹⁵ АВП РФ, ф. 0536, оп. 1, д. 186, л. 31–32.

¹⁶ Там же, л. 32.

Таким образом, подвёл итог Шепилов, территориальный вопрос следует считать решённым окончательно, и он не может быть предметом дальнейшей плодотворной дискуссии¹⁷. В противовес неприемлемому для СССР новому японскому проекту территориальной статьи Шепилов вручил Сигемицу прежний советский проект от 10 февраля 1956 г., по которому СССР соглашался на передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан, порядок которой определялся в прилагаемом протоколе, а государственная граница между обеими странами устанавливалась по середине проливов Кунаширский и Измены¹⁸, отделявших о. Хоккайдо от Курил.

Развёрнутую аргументацию японской позиции по территориальному вопросу Сигемицу дал на третьем пленарном заседании 6 августа, подкорректировав в ряде случаев прежние доводы японской стороны. Так, обосновывая тезис о неурегулированности данной проблемы, он начал ссылаться на заявление главы советской делегации на Сан-Францисской конференции А.А. Громыко о том, что при заключении мирного договора с Японией следует разрешить ряд территориальных вопросов, и на факт отказа Москвы подписать этот договор именно по причине непризнания за СССР суверенных прав на Южный Сахалин и Курильские острова¹⁹. Тем самым Сигемицу хотел подчеркнуть, что советское правительство также не считало эту проблему урегулированной Сан-Францисским договором. Между тем он необоснованно поставил знак равенства между отказом Москвы от подписания всего лишь одного документа и нерешённостью территориального вопроса, ибо последний поэтапно рассматривался целой серией международных актов, а не только вышеупомянутым. При этом, искажая советскую позицию, японский дипломат подытожил свои рассуждения замечанием о том, что не может согласиться с утверждением советской стороны об отказе Японии по данному договору от прав на Южный Сахалин и Курильские острова «в пользу СССР»²⁰. Между тем заключительные слова («в пользу СССР») существенно меняют действительные высказывания советских представителей, и они ими в таком контексте никогда не произносились. Советские официальные лица всегда говорили применительно к Сан-Францисскому договору лишь о принципиальном отказе Японии от вышеупомянутых островов безотносительно к какой-либо стране, что было единственно точно и по содержанию, и по форме.

Затем Сигемицу пытался отрицать агрессивный характер политики Японии как причину начала войны с Россией в 1904 г. и как основание для сомнения в действенности Симодского и Петербургского русско-японских договоров, о чём говорил на предыдущем заседании Шепилов. Эти утверждения советского министра Сигемицу расценил как односторонние суждения победившей страны, поскольку, по его словам, Россия никогда прежде не пыталась оспаривать принадлежность Кунашира и Итурупа Японии, считающей их своей исконной территорией с XIX в., от которой она «не может и думать», чтобы отказаться в пользу какого-либо государства²¹. Перейдя к Каирской декларации 1943 г. и её указанию на отсутствие у подписавших союзных держав стремления к приобретению каких-либо выгод для себя и к территориальной экспансии, Сигемицу

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, л. 34.

¹⁹ Там же, л. 47.

²⁰ Там же, л. 48.

²¹ Там же, л. 48–49.

пытался доказать, что данным обязательством СССР «подтвердил своё намерение не претендовать на исконную территорию Японии, частью которой являются остров Кунашир и остров Итуруп»²². Это высказывание являлось, однако, весьма вольной интерпретацией содержания документа, ибо лишение Японии части её территории в наказание за агрессию и ради укрепления стратегической безопасности Советского Союза на Дальнем Востоке приравнялось по существу к территориальной экспансии и приобретению выгоды. Более того, декларация вообще не ставила вопрос о том, какие территории следует сохранить за Японией, а указывала только на то, чего она будет лишена. Причём данный вопрос решался в ней лишь частично, в ограниченном кругу союзников без СССР, которому ещё только предстояло расширить список претензий к Токио и вывести этот вопрос за рамки Каирской декларации, зафиксировав его в знаменитом Ялтинском соглашении «большой тройки» от 11 февраля 1945 г.

Традиционное мнение Сигемицу высказал по поводу Потсдамской декларации 1945 г., согласно которому Итуруп и Кунашир должны входить в «менее крупные острова» Японии (помимо четырёх главных), на которые намеревались указать в будущем союзники при определении границ её территориального суверенитета²³. При этом, однако, обоснование звучало весьма натянуто. Японский министр заметил, что данное постановление из пункта 8 декларации означает, что, когда союзные державы укажут эти менее крупные острова при последующем мирном урегулировании, это должно быть решено в соответствии с теми принципами Каирской декларации, упомянутой в Потсдамской, «которые гласят, что исконные острова Японии, кроме захваченных ею островов, будут оставлены в руках японского народа»²⁴. Между тем подобное толкование Каирской декларации, посвящённой не сохранению, а усечению территориального суверенитета Японии, носило явно расширительный характер, не соответствующий её буквальному смыслу. Кроме того, ссылка только на этот документ в Потсдамской декларации вовсе не означала намерения союзников руководствоваться при территориальном урегулировании лишь его положениями. Иначе в Потсдамской декларации уже была бы точно определена суверенная территория Японии за вычетом упомянутых в Каире Маньчжурии, Тайваня, Кореи, Пескадорских и мандатных тихоокеанских островов. Но имелось ещё и секретное Ялтинское соглашение, которое пока нельзя было упоминать, но которое аккуратно ложилось в подтекст потсдамского документа. Оно ожидало своего часа, не позволяя до поры союзникам публично более конкретно говорить о территориальных контурах Японии. Поэтому привязка японцами Потсдамской декларации только к каирским постановлениям неверна фактически и методологически.

Опираясь на вышеприведённое толкование Каирской и Потсдамской деклараций, страдающее большими натяжками, Сигемицу соответствующим образом интерпретировал и Сан-Францисский мирный договор. Взяв за аксиому положение, будто в обеих декларациях присутствует принцип сохранения за Японией её исконных островов, он пытался доказать, что вследствие этого они не могут быть отторгнуты от неё. Он подчеркнул, что, поскольку данный договор принял принципы этих деклараций, исконные территории Японии вовсе не

²² Там же, л. 49.

²³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Сборник документов. Т. 6. М., 1984. С. 358.

²⁴ АВП РФ, ф. 0536, оп. 1, д. 186, л. 50.

входят в состав Курильских островов, от которых она отказалась, и японский представитель при подписании Сан-Францисского договора отметил, что Кунашир, Итуруп, Шикотан и Хабомаи как раз и являются исконными территориями Японии. В этой связи Сигемицу вновь потребовал возвратить Японии не только два последних острова из вышеперечисленных, но и два первых²⁵. Между тем утверждение Сигемицу о невхождении исконных территорий Японии в состав Курильских островов, от которых она отказалась в Сан-Франциско, легко опровергаются стенограммами самой конференции. Они свидетельствуют, что в ходе неё японский представитель С. Иосида ни разу даже не намекнул, что его страна, отказываясь от Курил, исключает при этом «исконные» острова Кунашир и Итуруп. Более того, если рассматривать данный вопрос в таком ракурсе, Иосида допустил и вторую «ошибку», прямо причислив Кунашир и Итуруп, как уже указывалось выше, к Южным Курилам в своём выступлении 7 сентября 1951 г. И это в тот момент, когда он одобрял окончательный текст мирного договора, чёрным по белому прописывавший отказ Японии от Курильских островов без каких-либо изъятий.

Особый акцент Сигемицу сделал на аргументах против крайне неудобного для японской стороны Ялтинского соглашения 1945 г., по которому Советскому Союзу безусловно должен был быть возвращён Южный Сахалин и переданы Курильские острова и которое являлось во всех дискуссиях главным советским козырем. На этот раз японская дипломатия привлекла в защиту собственной позиции весь свой арсенал доводов, включая как традиционные японские, так и подсказанные американцами в ходе двустороннего диалога с ними в июле и октябре 1955 г. Пытаясь отрицать права СССР по Ялтинскому соглашению на острова Кунашир, Итуруп, Шикотан и Хабомаи, Сигемицу утверждал, что оно представляло собой всего лишь документ об общей согласованной цели СССР, США и Великобритании, в том числе в ведении войны, а вовсе не международное соглашение о принадлежности территорий, и что оно не решило окончательно упомянутые в нём вопросы²⁶. Это заявление было точным повторением аргументов американского госсекретаря Дж. Даллеса, с которыми он ознакомил в своё время японцев. Они одновременно и соответствовали, и не соответствовали содержанию и форме Ялтинского соглашения. Так, с точки зрения содержания в нём абсолютно чётко прописывалась императивность указанного территориального переустройства на Дальнем Востоке между Японией и СССР после войны («претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены»²⁷). Однако по форме это действительно было ещё не окончательное, а лишь рамочное соглашение о будущем территориальном урегулировании.

В идеале, конечно, было бы предпочтительнее, чтобы территориальные положения Ялтинского соглашения нашли своё закрепление в многостороннем мирном договоре с Японией с участием всех союзников. И союзные державы так и должны были бы поступить в соответствии с духом этого соглашения. Однако бушевавшая Холодная война помешала это сделать. США по политическим соображениям при составлении такого договора не удержались от ущемления интересов СССР и советского блока и стали открыто игнорировать Ялтинское соглашение, нарушая его букву и дух. В свою очередь Москва в пику

²⁵ Там же, л. 50–51.

²⁶ Там же, л. 51.

²⁷ Советский Союз на международных конференциях... Т. 4. М., 1984. С. 254–255.

Вашингтону начала считать крымский документ окончательным юридическим вердиктом о территориальном урегулировании с Японией, не требующим какого-либо дополнительного подтверждения в мирном договоре. Тем более этого не предусматривалось и самим текстом соглашения.

Стремясь парировать аргументы СССР по Ялтинскому соглашению, большое значение Сигемицу придавал традиционным доводам Токио о непричастности к нему Японии, подкреплённым аналогичной позицией американской дипломатии. Особо подчеркнув, что его страна не связана данным соглашением и оно не имеет к ней никакого отношения, он добавил, что это «ясно и определённо признаётся всеми государствами – участниками Ялтинского соглашения, кроме Советского Союза»²⁸, имея в виду разъяснения Госдепартамента США японскому МИД, данные ещё на ранней стадии советско-японских переговоров – в июле 1955 г.²⁹ Из этих же разъяснений Сигемицу заимствовал и другой аргумент, свидетельствовавший, по его мнению, об отсутствии каких-либо обязательств Японии по Ялтинскому соглашению. Он состоял в том, что это соглашение не было включено в Потсдамскую декларацию, принятую японским правительством, и не должно было рассматриваться как решение союзных стран, предусмотренное в § 8 декларации, указывавшем на обязательство её подписантов обсудить вопрос о территориях Японии в будущем. Такая точка зрения стран – участниц Ялтинского соглашения, заявил Шепилову Сигемицу, хорошо известна советскому правительству³⁰.

Между тем данные доводы лишь с формальной точки зрения могут иметь какие-то основания. На самом же деле они совсем не убедительны. Неучастие Японии в Ялтинском соглашении вовсе не отменяло его силу, ибо такое участие и не требовалось, поскольку она выступала в качестве объекта, а не субъекта договорённости. Равным образом однозначно имелась и внутренняя содержательная связь ялтинского и потсдамского документов, которая внешне не фиксировалась только по причине тогдашней секретности крымской договорённости «большой тройки». И эта связь явно просматривается в тексте декларации, как бы ни отрицали её в последующие годы американские дипломаты. Она заметна в том, что на момент провозглашения Соединёнными Штатами, Великобританией и Китаем декларации 26 июля 1945 г. даже в отсутствие пока советской подписи бесспорно суверенными и неотторжимыми территориями Японии признавались только четыре её главных острова и не упоминались Южный Сахалин и Курильские острова, что было бы невозможно, если бы союзники, и прежде всего США, не держали в уме Ялтинское соглашение. Нет никаких оснований утверждать, что § 8 Потсдамской декларации о будущем решении по «менее крупным островам» Японии не подразумевал в том числе и Ялтинского соглашения. Характер этого будущего решения никак в декларации не оговаривался. И, раз его не удалось провести через многосторонний мирный договор, по всем юридическим канонам это должен был выполнять другой, замещающий его адекватный документ – т.е. Ялтинское соглашение.

В качестве своего последнего довода против Ялтинского соглашения как документа, определившего принадлежность Курильских островов, Сигемицу привёл ту часть известного послания Г. Трумэна И.В. Сталину от 27 ав-

²⁸ АВП РФ, ф. 0536, оп. 1, д. 186, л. 51.

²⁹ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1955–1957 (далее – FRUS). Vol. 23. Pt. 1. Washington, 1991. P. 74.

³⁰ АВП РФ, ф. 0536, оп. 1, д. 186, л. 51.

густа 1945 г., где тогдашний американский президент назвал эти острова «японской территорией, вопрос о которой должен быть решён при мирном урегулировании»³¹. Однако Сигемицу не процитировал продолжения данного послания, из которого следовало, что Трумэн в принципе был готов поддержать передачу СССР всех Курильских островов в постоянное владение.

Новые аргументы глава японской делегации подготовил и по Атлантической хартии 1941 г. Пытаясь опровергнуть замечание Шепилова о неприменимости этого документа к Японии по причине его обнародования до начала войны с нею и появления потом других международных документов, относящихся к этой стране, Сигемицу привёл, однако, в доказательство неточные факты, что сводило на нет его усилия. Он заявил, будто СССР присоединился к хартии в январе 1942 г., когда Япония уже находилась в войне с союзниками, и союзные страны руководствовались этой хартией при ведении войны против неё³². На самом же деле присоединение СССР к указанному документу произошло 24 сентября 1941 г., т.е. до начала военных действий на Тихом океане. А 1 января 1942 г. была обнародована декларация Объединённых Наций о военном сотрудничестве против членов Тройственного пакта. Именно на этот документ прежде всего опирались в ведении войны Объединённые Нации, а не на хартию, которая вообще была посвящена другим проблемам – общим принципам будущего миропорядка.

Подводя итог своему выступлению, Сигемицу подчеркнул, что Япония не будет отказываться в пользу какого-либо государства от своих «исконных территорий» и не может согласиться с тем, что СССР, исходя из существующего факта оккупации, будет продолжать владеть таковыми, т.е. островами Кунашир и Итуруп. В этой связи он выразил горячее желание, чтобы Советский Союз в интересах мира и дружественных отношений с Японией нашёл возможным возвратить эти два острова в руки японского народа и тем самым привёл переговоры к успешному завершению³³. Таким образом, Токио продолжал упорствовать в своём требовании возвратить острова и даже усилил нажим, опираясь на поддержку США и используя рекомендации американской дипломатии в качестве дополнительного аргумента в споре. При этом трактовка международных документов со стороны Сигемицу была совершенно однобокой и избирательной, направленной только в пользу Японии. Факт непризнания Кунашира и Итурупа за СССР он впервые подкрепил определением их статуса как оккупированной территории.

Шепилов на этот раз не стал пространно отвечать своему собеседнику и вновь повторять многократно изложенные советские аргументы, ограничившись лишь отдельными замечаниями. Он выразил сомнение в целесообразности снова начинать дискуссию с повторением всего сказанного в ходе многомесячных переговоров. Возражая по поводу цитирования Сигемицу послания Трумэна Сталину от 27 августа 1945 г., Шепилов указал на готовность сослаться на переписку обоих руководителей, в которой американский президент прямо заявлял о согласии с тем, чтобы все Курильские острова перешли во владение СССР в соответствии с Ялтинским соглашением (очевидно, имелось в

³¹ Там же, л. 51–52; текст послания см.: Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. Изд. 2. М., 1986. С. 288.

³² АВП РФ, ф. 0536, оп. 1, д. 186, л. 51–52.

³³ Там же, л. 53.

виду другое место из этого же послания, упоминавшееся выше. – В.С.), а также на иные международные документы, где позиция США представлялась не в том виде, как рисовал японский министр, а в прямо противоположном. Он также отметил наличие различных японских историко-литературных источников, «в которых даётся совершенно ясное понятие, что такое Курильские острова», намекая тем самым на необоснованность претензий японской стороны. Однако конкретизировать всё это Шепилов не видел необходимости по причине достаточности уже приводившихся мотивировок и во избежание повторов. При этом он подчеркнул, что Сигемицу по-своему трактует известные международные документы военного времени³⁴.

Шепилов поставил в вину Сигемицу рассмотрение им Каирской и Потсдамской деклараций изолированно от Ялтинского соглашения. Оценка всех разбиравшихся международных актов как самостоятельных соглашений, не связанных между собой общей идеей, на самом деле являлась наиболее уязвимым местом всей японской аргументации, основывавшейся на абсолютизации и обособлении каждого документа в отдельности, на игнорировании их как единого и неразрывного правового комплекса источников и на исключении к тому же его главного, цементирующего звена – крымской договорённости «большой тройки» по Японии. Глава советской делегации обоснованно обратил внимание своего собеседника на то, что Ялтинское соглашение органически связано с Потсдамской декларацией и представляет собой неотъемлемую часть решений великих держав по вопросам Дальнего Востока. Потсдамские решения, по его справедливому замечанию, принимались на основе и с учётом ранее принятых в Каире и Ялте решений по территориальному вопросу, и именно крымское соглашение предопределило появление потсдамской формулы об ограничении японского суверенитета четырьмя главными островами.

Совершенно очевидно, подчеркнул Шепилов, что если бы Потсдамская декларация давала основание считать острова Кунашир и Итуруп, входящие в состав Курильской гряды, территорией, на которую распространяется японский суверенитет, то Япония по Сан-Францисскому договору «не отказалась бы от своих прав на эти острова» (т.е. на Курильские острова, включая Кунашир и Итуруп. – В.С.). В этой связи, подводя итог, министр иностранных дел СССР ещё раз заявил, что попытка представить дело так, будто Кунашир и Итуруп не входят в состав Курильских островов, несостоятельна ни с географической, ни с исторической, ни с юридической или какой-либо другой точки зрения³⁵. Таким образом, главный предмет спора на московском этапе переговоров заключался в определении статуса Кунашира и Итурупа, от чего зависели юридические права на них каждой из сторон. Советской делегации необходимо было доказать их принадлежность к Курильской гряде, и тогда по Сан-Францисскому договору Япония теряла права на них, а СССР по Ялтинскому соглашению приобретал их. Напротив, японцам важно было убедить, что эти острова не входят в Курильский архипелаг и являются «исконной» территорией Японии, от которой она-де не собиралась отказываться и не отказалась в мирном договоре 1951 г.

Шепилов назвал совершенно необоснованным утверждение японской стороны о том, будто СССР не может ссылаться на этот договор как на доказательство отказа Японии от претензий на Кунашир и Итуруп по причине его непод-

³⁴ Там же, л. 55.

³⁵ Там же, л. 56.

писания, и подчеркнул, что такой отказ полностью сохраняет для Японии своё юридическое значение независимо от того, что СССР не является участником Сан-Францисского договора. Абсолютно очевидно, заявил он, что упомянутые обязательства Токио по данному договору вытекали из вышеупомянутых решений союзных держав по Японии и акта о её капитуляции, и никакие международные соглашения и договоры, подписанные союзниками с её участием или без, не содержат положений о её праве претендовать на те территории, от прав и правооснований на которые она отказалась. Поэтому рассуждения японской стороны относительно её прав на Кунашир и Итуруп не имеют под собой оснований³⁶.

На следующий день, 7 августа, состоялась внеплановая неофициальная беседа Сигемицу с Шепиловым, о которой попросил японский министр. Когда речь зашла о территориальном вопросе, Шепилов предупредил, что позиция Москвы по нему окончательна и никакие компромиссы с её стороны здесь невозможны. Самый большой компромисс и уступка уже сделаны в отношении передачи Хабомаи и Шикотана, причём это является «отступлением от международных соглашений». Подводя итог сказанному, он заметил, что если, по мнению японского правительства, условия для нормализации отношений с СССР ещё не созрели, то, может быть, следовало бы отложить переговоры на один, два или три года, пока такие условия не возникнут и Токио не убедится в целесообразности нормализации отношений³⁷.

На очередном пленарном заседании 8 августа Сигемицу не стал делать длинных заявлений по территориальному вопросу, ограничившись лишь краткими возражениями против советской интерпретации Ялтинского соглашения. В этой связи он процитировал выдержку из разъяснений позиции американского Госдепартамента от 4 июля 1955 г., сделанных по запросу Токио. В них Ялтинское соглашение квалифицировалось правительством США как документ, определявший лишь общие цели союзников, но не решавший окончательно территориального вопроса, который подлежал, согласно этим разъяснениям, дальнейшему обсуждению между союзниками; как документ, не имевший отношения к Потсдамской декларации и не накладывавший никаких обязательств на Японию, поскольку она не являлась его участником. Отметив, что аналогичный взгляд по данному вопросу высказало и британское правительство, Сигемицу подчеркнул, что свою позицию Япония основывает именно на упомянутых взглядах Вашингтона и Лондона, и она не может быть связана теми международными постановлениями, которые не имеют к ней никакого отношения³⁸. Японский министр высказал также обиду по поводу того, что советская сторона в своём требовании к Японии подчиниться решениям союзных держав обращается с ней как с побеждённым государством, не учитывая её мнения, и смысл этого сводится к её отказу даже от своих исконных территорий независимо от того, нравятся ей эти решения или нет, что никоим образом не может быть понято японским народом³⁹.

Шепилов также не стал вступать в дискуссию по территориальному вопросу, заявив, что считает её непродуктивной и бесполезной. Единственное замечание, которое он высказал в опровержение позиции Сигемицу по Ялтинскому

³⁶ Там же, л. 56–57.

³⁷ Там же, ф. 0146, оп. 57, д. 1, л. 13–16.

³⁸ Там же, ф. 0536, оп. 1, д. 186, л. 60–62, 66.

³⁹ Там же, л. 61.

соглашению, касалось очевидной взаимосвязи между ним и Сан-Францисским договором. Квалифицировав эту позицию как несостоятельную, он задал резонный вопрос: если Ялтинское соглашение не решало территориальный вопрос, то почему же по Сан-Францисскому договору Япония отказалась от Южного Сахалина и Курильских островов? При этом он ещё раз подчеркнул, что советская сторона рассматривает известные международные соглашения и документы в их единстве и неразрывной связи⁴⁰.

Ответ Сигемицу на это заявление вновь базировался на отрицании какой-либо связи Сан-Францисского договора с Ялтинским соглашением и на привязке его только к Потсдамской и Каирской декларациям. Причём японский министр по-прежнему очень вольно трактовал все эти документы, значительно отходя от подлинного их содержания и делая надуманные выводы. Он опять пытался доказать, будто в Каирской декларации говорится о том, что никакие исконные территории Японии не будут у неё отняты и, следовательно, в Сан-Францисском договоре нет намёка на потерю ею права на них. Более того, при подписании договора японские полномочные представители якобы ясно заявили, что Япония не думает отказываться от своих исконных территорий⁴¹. В отношении последнего утверждения следует заметить, что ничего подобного на мирной конференции 1951 г. ими сказано не было. Но даже если это было бы не так, подобное заявление звучало бы очень неконкретно, поскольку непонятно, какие именно «исконные территории» имелись в виду. Что же касается предшествующего утверждения, то оно выстраивало ложную логическую цепочку: раз Каирская декларация якобы оставляла за Японией её «исконные территории» (т.е. Кунашир, Итуруп, Хабомаи, Шикотан), то она не могла от них отказаться в Сан-Франциско. Не говоря уже о том, что из первой части данного положения вовсе не вытекает вторая, обе они к тому же основываются на неверных тезисах, ибо противоречат конкретным документальным фактам, относящимся к действительному содержанию Каирской декларации и Сан-Францисского договора.

Коснувшись советской позиции в территориальном вопросе, Шепилов пояснил, при каких условиях СССР согласен уступить Японии острова Хабомаи и Шикотан. Таковыми он назвал полную нормализацию двусторонних отношений, т.е. заключение мирного договора. Это повлекло бы за собой, по его словам, и полное разрешение вопроса об осуждённых в СССР японских военнопленных, которые были бы тотчас досрочно освобождены. Если, сделал он важное добавление, переговоры не приведут к полной нормализации и завершатся только восстановлением дипломатических отношений, то полностью отпадает вопрос о каких бы то ни было уступках в отношении Хабомаи и Шикотана, поскольку нельзя идти на уступки и решать вопросы территориальный и о возвращении осуждённых преступников с государством, с которым не нормализованы отношения и формально существует состояние войны⁴². Советский министр выразил убеждение в том, что при наличии доброй воли стороны сравнительно быстро могли бы завершить переговоры, добившись положительного результата, но вместе с тем вновь предупредил, что если, по мнению японцев, условия для полной нормализации отношений не созрели, то можно отложить переговоры на какой-то период и вернуться к ним тогда, когда, на взгляд Токио,

⁴⁰ Там же, л. 62–63.

⁴¹ Там же, л. 66.

⁴² Там же, л. 65.

соответствующие условия для этого созреют. Если Япония не готова к полной нормализации, то сторонам ничего не остаётся делать, как ждать⁴³.

Итоги первых четырёх заседаний показали Сигемицу, что потенциал переговоров с Шепиловым по территориальному вопросу для него исчерпан и ему следует добиваться встречи с высшим партийно-государственным руководством СССР в лице первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущёва и председателя Совета министров Н.А. Булганина в надежде найти какой-то выход из ситуации. С этой целью 9 августа японский министр посетил Шепилова и попросил его устроить ему такую встречу в ближайшие день-два с тем, чтобы он мог принять решение о дальнейшей судьбе переговоров. На этот период предлагалось не проводить очередного пленарного заседания делегаций, а ограничиться только работой редакционной подкомиссии по несогласованным статьям мирного договора. Шепилов обещал незамедлительно доложить советским руководителям о просьбе Сигемицу⁴⁴ и сдержал слово. Реакция советского руководства была мгновенной: в тот же день было принято решение организовать встречу Булганина и Хрущёва с Сигемицу 10 августа.

Вероятно, японский министр надеялся, что советские лидеры имеют иную, чем Шепилов, позицию в территориальном вопросе и ради успеха переговоров, может быть, пойдут на новые уступки. Поэтому в самом начале беседы Сигемицу выразил желание «откровенно обменяться мнениями по территориальному вопросу» и о перспективах японо-советских отношений, прежде чем он мог бы принять какое-то окончательное решение, хотя со своей стороны, констатируя неизменность и расхождение позиций обоих государств по территориальному вопросу, заявил об отсутствии у него намерения и о нецелесообразности возвращаться к его детальному обсуждению⁴⁵. Его ожидания базировались на ошибочном впечатлении от недавней майской беседы в Москве Булганина с министром сельского и лесного хозяйства Японии И. Коно, якобы свидетельствовавшей о готовности Кремля проявить по территориальному вопросу гибкость. Если подобные надежды действительно имелись у Сигемицу, то они должны были быстро улетучиться в процессе беседы с двумя советскими лидерами, ибо уже в её дебюте Булганин твёрдо заявил о поддержке руководством СССР всего сказанного Шепиловым в ходе переговоров и подчеркнул: «Шепилов полностью выражает мнение советского правительства»⁴⁶.

Отвечая на пожелание Сигемицу во что бы то ни стало найти общий язык и добиться нормализации двусторонних отношений, другой советский участник беседы – Хрущёв – прежде всего коснулся их истории. Он указал на создание Японией в послеоктябрьский период угрожающего положения на советских границах, на целый ряд её агрессивных антисоветских акций и на подготовку войны против СССР как на демонстрацию её недружелюбия и подчеркнул, что всё это вызывало постоянную тревогу, беспокойство и недоверие у советского народа. Однако в нынешних условиях СССР, по его словам, не руководствуется в отношениях с Японией прежними обидами и хочет прежде всего ликвидировать состояние войны с нею, заключить мирный договор и урегулировать все

⁴³ Там же, л. 65–66.

⁴⁴ Там же, ф. 0146, оп. 57, д. 1, л. 18.

⁴⁵ Там же, л. 21–22.

⁴⁶ Там же, л. 22.

остальные вопросы⁴⁷. Перейдя к территориальному вопросу, Хрущёв заметил, что СССР имеет все юридические и моральные основания не уступать Японии острова Хабомаи и Шикотан, поскольку она нанесла ему большой ущерб. Но его страна пошла на такие уступки ради установления дружественных отношений с Токио и по причине близости данных островов к о. Хоккайдо. «Может быть, – продолжал Хрущёв, – мы поступили дипломатически неправильно, согласившись одновременно передать Японии эти острова. Иные дипломаты сперва передали бы один остров, потом вели бы год переговоры и согласились бы передать второй остров, а потом через год, может быть, и уступили бы оба острова. Мы не пошли по этому пути, ибо мы действуем честно и прямо»⁴⁸.

Подобное замечание Хрущёва, очевидно, относилось к тактике Вашингтона, который в 1952–1953 гг. под настойчивым давлением японской общественности вынужден был вернуть Японии поочерёдно две группы островов из архипелага Рюкю (о-ва Токара и Амами), находившегося, согласно Сан-Францисскому договору, под его административным управлением, но не собиравшийся отказываться от контроля над остальными. Создаётся впечатление, что решение о возвращении Японии Хабомаи и Шикотана было принято советской стороной как ответная мера именно на этот шаг американцев, ставивший Москву в невыгодное положение перед японскими партнёрами, когда её главный геополитический и идеологический противник идёт на уступки Токио, принимая во внимание его интересы, а она в аналогичной ситуации – нет. Учитывая, насколько важно для Хрущёва было соперничество с США по любому вопросу, а по японскому особенно, только так, видимо, можно объяснить это столь опрометчивое решение советского руководства, откровенно проглядевшего ту ловушку, которую поставил Советскому Союзу Даллес в тексте Сан-Францисского договора. Кремль ошибочно считал, что курильский вопрос – это вопрос двусторонних, советско-японских, а не трёхсторонних отношений и что его можно урегулировать, игнорируя Вашингтон, только благодаря которому СССР и получил возможность реализовать свои давнишние территориальные устремления на Дальнем Востоке.

Подводя итог этой части беседы, Хрущёв подчеркнул, что если японская сторона готова к подписанию мирного договора, то СССР может это сделать «хоть завтра», но, если Япония не намерена заключать договор и не готова к нормализации дипломатических отношений, «остаётся только отложить переговоры на год, два, три или пять, до тех пор, пока Япония не будет готова к этому акту». При этом, однако, он заметил, намекая на Соединенные Штаты, что «от затяжки переговоров выиграют только третьи державы», которые не заинтересованы в том, чтобы СССР и Япония жили в мире и дружбе, и запугивают Японию Советским Союзом и Китаем для того, чтобы заставить её вооружиться и тем самым наложить на неё невыносимое финансовое бремя. А это в свою очередь сильно ослабляет её конкурентоспособность, которой они боятся. Но для СССР Япония не является конкурентом⁴⁹.

Сигемицу выразил полное несогласие с представленным историческим обзором советско-японских отношений, заявив, что его страна придерживается совершенно иной точки зрения и совсем по-другому толкует изложенные факты. Он, однако, посчитал неуместным подробно останавливаться на

⁴⁷ Там же, л. 22–24.

⁴⁸ Там же, л. 24–25.

⁴⁹ Там же, л. 25–26.

данном вопросе и в противовес высказываниям Хрущёва лишь заметил, что это японский народ всегда испытывал страх перед Россией и ощущал угрозу с её стороны как до Октябрьской революции, так и после, и территориальный спор тесно связан с чувством страха, которое по-прежнему будет испытывать Япония ввиду неразрешённости территориального вопроса. Сигемицу согласился с необходимостью установить дружественные двусторонние взаимоотношения и попросил содействия советских руководителей в поиске «приемлемой для Японии формулы завершения переговоров», заявив при этом об отсутствии намерения вновь добиваться полного пересмотра советской позиции по всем вопросам⁵⁰. Хрущёв обещал такое содействие, но только при том условии, если Япония действительно хочет заключить мирный договор и отредактировать все оставшиеся его статьи⁵¹.

Таким образом, Сигемицу не добился в ходе данной беседы ничего обнадеживающего для себя по территориальной проблеме в смысле дальнейших послаблений со стороны советского руководства, кроме обещания содействия в завершении переговоров без потери лица японской делегацией. Что под этим подразумевалось, стало ясно на следующий день, 11 августа, когда у него состоялась завершающая официальная беседа с Шепиловым в Москве, в ходе которой он представил свою последнюю домашнюю заготовку по территориальному вопросу в надежде достичь взаимоприемлемого компромисса на базе подредактированного советского проекта статьи и вывести переговоры из тупика. Он, очевидно, считал, что этот новый вариант устроит как СССР, поскольку не потребует от него никаких дополнительных жертв и уступок территорий, так и Японию, ибо не будет унижать её самолюбие, как последний советский проект. Он заявил Шепилову, что, учитывая заверения Булганина и Хрущёва о готовности найти приемлемую для японской делегации форму завершения переговоров и категорический отказ СССР идти на дальнейшие уступки, ему остаётся только одно – учесть советскую позицию и внести редакционные поправки в проект по территориальному вопросу. Согласно им последний советский проект территориальной статьи предлагалось изменить таким образом, чтобы из пункта 1, в котором говорилось о передаче Советским Союзом Японии островов Хабомаи и Шикотан, исключить слова «идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства», а пункт 2, описывавший прохождение советско-японской границы между Курильскими островами и о. Хоккайдо, изъять полностью⁵², т.е. в статье оставалась только фраза, констатирующая передачу Японии Хабомаи и Шикотана, без каких-либо пояснений и дополнений. Сигемицу заявил, что это и есть та самая форма, которая будет приемлема для японской стороны и которая позволит ему взять на себя ответственность и подписать мирный договор. В противном случае пришлось бы вновь начать консультации с японским правительством, и завершение переговоров затянулось бы на неопределённое время⁵³.

На первый взгляд, это предложение являлось серьёзнейшей уступкой со стороны Токио, так как он отказывался от своего фундаментального требования о возвращении ему островов Кунашир и Итуруп и удовлетворялся лишь наименьшим приобретением – двумя другими островами, отступив тем самым

⁵⁰ Там же, л. 27–29.

⁵¹ Там же, л. 29–30.

⁵² Там же, л. 31.

⁵³ Там же, л. 32.

к своей первоначальной программе-минимум, имевшейся у него перед стартом лондонских переговоров в 1955 г. Однако при более пристальном рассмотрении здесь можно обнаружить тонкий политический ход японской дипломатии, заключавшийся в намерении Сигемицу завуалированно реализовать идею «остаточного суверенитета» Японии над Кунаширом и Итурупом, которую ему поручило отстаивать правительство. И хотя по причине явной непреклонности советских руководителей он не решился добиваться формального признания ими этого права за Японией, пусть даже в виде какого-нибудь заявления или обещания, аналогичного высказыванию Даллеса на Сан-Францисской конференции 1951 г. по островам Рюкю и Бонин⁵⁴, предложенный им усечённый текст территориальной статьи в определённой мере всё же выполнял поставленную задачу, оставляя открытым вопрос о судьбе Кунашира и Итурупа, а следовательно, и некоторые надежды для Токио. Ведь Сан-Францисский договор также не предоставлял Японии прав на Рюкю и Бонин, но тем не менее она упорно боролась за них впоследствии и добилась их полного возвращения. Отсюда и такая твёрдая готовность Сигемицу взять на себя ответственность за предложенную редакцию статьи, хотя внешне она вроде бы не совпадала с имевшимися у него директивами об «остаточном суверенитете». Даже если подобная формулировка и не обговаривалась предварительно с ним в Токио, она вполне укладывалась в общий контекст этих директив, особенно с учётом полученной им от правительства свободы рук на переговорах.

По-видимому, японский министр был уверен, что советскую сторону его инициатива должна вполне устроить, ибо она действительно являлась широким жестом, казалось, удовлетворявшим главному условию СССР и устранявшим основное препятствие на пути к договорённости. Однако всё повернулось совсем не так, как рассчитывал Сигемицу, ибо он переоценил важность компромисса для Москвы, которой не нужен был мирный договор ради договора, без окончательного разрешения фундаментальных вопросов советско-японских отношений. Предложение Сигемицу означало, что СССР фактически просто дарит Японии Хабомаи и Шикотан без всякого объяснения причин и, более того, даже не ставя окончательную точку в территориальном споре в юридическом плане, ибо граница между двумя странами в данном районе не устанавливалась бы, а следовательно, вопрос о ней оставался бы открытым и поэтому мог быть поднят японской стороной в будущем. Тем более Япония продолжала считать примыкающие к ней территории принадлежащими Советскому Союзу в результате военной оккупации и по-прежнему не соглашалась с этим, о чём Сигемицу ещё раз напомнил в данной беседе⁵⁵.

Такой мирный договор абсолютно не устраивал Москву, что в ходе этой беседы, продолжавшейся почти три с половиной часа, пытался разъяснить Шепилов. Он заявил, что, по его мнению, беседа Булганина и Хрущёва с Сигемицу свидетельствовала о признании территориального вопроса окончательно решённым, о завершении дискуссии по нему и переходе к редактированию статей, без вторжения в их существо. Однако новый японский проект выходит далеко за пределы редакционной работы и изменяет сущность и содержание статьи, ибо оставляет открытым такой сложный вопрос, как государственная граница между обеими странами. Это практически означает, подчеркнул советский министр, что японская сторона оставляет источник всякого рода

⁵⁴ Conference for the Conclusion and Signature of the Treaty of Peace with Japan... P. 78, 277.

⁵⁵ АВП РФ, ф. 0146, оп. 57, д. 1, л. 40.

трений, конфликтов и недоразумений. Но СССР не хочет этого, не хочет временных ситуаций между двумя государствами, а желает фундаментально решить главные спорные вопросы. А для этого, по словам Шепилова, необходимо, чтобы советско-японская граница была твёрдо определена. С изъятием второго пункта территориальной статьи, вопрос о территориях окажется нерешённым, а потому СССР категорически возражает против японских поправок⁵⁶. В связи с этим Шепилов заметил, что, поскольку Япония продолжает говорить о нерешённости территориального вопроса, советская сторона и включила второй пункт с целью подчеркнуть, что этот вопрос окончательно решён и советско-японская граница ясно указана. Советская редакция статьи устраняет всякие недоразумения в этом смысле и возможность всяких дискуссий, которые могут привести к ухудшению в будущем отношений между СССР и Японией. Вот почему, заключил Шепилов, в территориальной статье нельзя ограничиться неясными формулировками. Нужно чётко, ясно и недвусмысленно сказать, что принадлежит Японии, а что – СССР, и показать на карте, где проходит граница. Кроме того, по его мнению, в случае отсутствия указания о том, почему Советский Союз передаёт Японии Хабомаи и Шикотан, может сложиться впечатление об отступлении СССР от известных международных соглашений, закрепивших за ним принадлежность Курильских островов⁵⁷.

Сигемицу выразил недоумение позицией Шепилова по поводу необходимости указания границы в районе Курил, считая это нецелесообразным и полагая вполне достаточным зафиксировать факт передачи двух островов. Он заметил, что, коль скоро указано о переходе Хабомаи и Шикотана Японии, то автоматически становится ясным, где пройдёт граница между государствами. Отсюда нет надобности специально говорить о границе в территориальной статье. В противоположность взглядам Шепилова Сигемицу доказывал, что устранение из неё пункта 2 не приведёт к возникновению в будущем конфликтов, ибо окончательное решение территориального вопроса, зафиксированное в мирном договоре, не может служить поводом к трениям и конфликтам. Наоборот, именно данный пункт и будет являться источником таковых, чего опасается советская сторона⁵⁸.

Кроме того, Сигемицу утверждал, что демаркация – дело весьма сложное и требует очень точных карт, без которых всякая демаркация остаётся чисто условной. Наконец, он заявил, что если СССР опасается будущих претензий Японии на какие-либо другие территории, то он не будет возражать против включения в мирный договор статьи из Сан-Францисского договора 1951 г., говорящей об отказе Японии от всех прав, правооснований и претензий на территории. Таким образом, на будущее не оставалось бы никаких неясностей и спорных вопросов⁵⁹. На самом деле и в этом случае неопределённости и источники спора сохранялись бы, ибо опять возникал вопрос о том, от каких именно «Курильских островов» отказывается Япония – с учётом Кунашира и Итурупа или без такового? Это предложение свидетельствовало о желании Сигемицу сконструировать территориальную статью по тому же туманному образцу Сан-Францисского договора, из которого не было ясно, какие бывшие свои территории Япония признавала за Советским Союзом и где теперь проходит граница

⁵⁶ Там же, л. 32–35.

⁵⁷ Там же, л. 34–36.

⁵⁸ Там же, л. 33–36.

⁵⁹ Там же, л. 36–37.

между обеими странами. Тем не менее сам Сигемицу считал, что предложенная им постановка вопроса будет принята Москвой, так как должна рассеять её подозрения относительно посягательств Японии на Южный Сахалин и Курильские острова.

Однако Шепилов категорически отверг и это предложение, заявив, что японский вариант совершенно неприемлем и «даже не может быть базой для переговоров». Он означает, что территориальный вопрос ставится заново и отныне начинаются новые и длительные дискуссии по нему⁶⁰. Сигемицу выразил абсолютное и горькое разочарование отказом Шепилова и недоумевал о нежелании СССР ориентироваться на Сан-Францисский договор, на основе которого «до сих пор Япония поддерживает дипломатические и консульские связи со многими государствами», в то время как она сама, «учитывая необходимость жить в мире и дружбе... прекратила дальнейшие дискуссии по территориальному вопросу и просила советскую сторону содействовать в подыскании приемлемой формулы», полностью надеясь, что новый японский проект территориальной статьи устроит оба государства⁶¹.

Ввиду непреклонной позиции Шепилова Сигемицу вынужден был заявить о невозможности немедленно дать ответ по поводу пункта 2 и о необходимости серьёзно проконсультироваться со своим правительством. При этом, однако, он решительно подчеркнул, что при любых обстоятельствах Япония категорически не может согласиться на включение в текст статьи фразы «идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства», так как эта сторона дела относится к компетенции Японии, которая сама заботится о своих интересах и учитывает их. Поэтому он не хочет, чтобы в официальном документе излагались неприятные для неё и непонятные японскому народу формулировки, ибо вся подоплёка вопроса известна только непосредственным переговорщикам. В договоре должны быть указаны основные положения нормализации отношений, а факт передачи Японии территории не требует дополнительных пояснений, поскольку говорит сам за себя⁶².

Шепилов попытался переубедить Сигемицу и доказать обоснованность включения оспариваемой им фразы, подчёркивая, что в ней нет ничего унижительного или оскорбительного для Японии и без каких-либо пояснений в тексте советскому народу, участникам и инвалидам войны будет непонятно, на каком основании СССР решил передать Японии часть принадлежащей ему территории. «Разве Япония, – заметил советский министр, – не просила Советский Союз о том, чтобы ей передали указанные территории... Почему же господин Сигемицу не хочет, чтобы в договоре было указано то, что соответствует истине? Разве это в какой-либо мере унижает достоинство Японии или японцев?»⁶³.

В связи с предстоявшим 14 августа отъездом в Лондон на международную конференцию по Суэцкому каналу Шепилов заявил о желательности подписать мирный договор с Японией накануне, но в то же время напомнил о целесообразности отложить переговоры, если японское правительство не готово к нормализации отношений, до того момента, когда оно созреет для данного шага. Сигемицу обещал представить окончательный ответ в первой половине дня

⁶⁰ Там же, л. 39.

⁶¹ Там же, л. 39–40, 43.

⁶² Там же, л. 42–47.

⁶³ Там же, л. 43–46.

13 августа⁶⁴, однако спустя всего несколько часов изменил своё решение ввиду разногласий в его окружении. По его поручению японский делегат С. Мацумото информировал члена советской делегации А.Я. Малика о том, что министр не сможет дать Шепилову обещанный ответ утром 13 августа, так как в территориальном вопросе «имеется ещё ряд сторон, которые нужно учесть»⁶⁵. После всех перипетий переговоров Сигемицу уже готов был под собственную ответственность принять советский проект территориальной статьи, но против этого решительно выступили члены японской делегации (и прежде всего Мацумото), убеждавшие своего руководителя запросить инструкции правительства⁶⁶. Тот неохотно согласился и 12 августа направил в Токио телеграмму, в которой сообщал: «Переговоры уже пришли к концу. Дискуссии исчерпаны. Всё, что можно было сделать, сделано. Необходимо определить нашу линию поведения. Дальнейшая оттяжка способна лишь больно ударить по нашему престижу и поставить нас в неудобное положение». В этой связи он даже не исключал того, «что вопрос о передаче нам Хабомаи и Шикотана будет поставлен под сомнение»⁶⁷, а потому предлагал своему правительству принять кремлёвский вариант территориальной статьи, подчёркивая, что «для Японии нет иного выхода, кроме принятия советского предложения»⁶⁸. Он также высказался за временное прекращение московских переговоров в связи с проведением лондонской конференции по Суэцкому каналу⁶⁹. О целесообразности заключения мирного договора на советских условиях он заявил и в ходе пресс-конференции в Москве 13 августа⁷⁰.

Столь резкий поворот в сторону смягчения его прежней неуступчивой позиции по Кунаширу и Итурупу выглядел весьма неожиданно и мог объясняться лишь совсем нерядовыми обстоятельствами. Таковыми, очевидно, являлись, как отмечают некоторые авторы, внутривнутриполитические соображения, связанные со стремлением Сигемицу занять посты лидера правящей Либерально-демократической партии и правительства после ухода больного премьер-министра И. Хатоямы⁷¹. А для этого ему нужен был серьёзный внешнеполитический успех, каковым могло стать заключение мирного договора с СССР. Подтолкнуло Сигемицу к подобному решительному шагу объявление Хатоямы 10 августа о намерении уйти в отставку после урегулирования советско-японских отношений и выбора преемника⁷². Поскольку эта инициатива министра, по существу, отражала изначальные взгляды Хатоямы по территориальной проблеме, Сигемицу, очевидно, надеялся на поддержку со стороны премьера и его сподвижников. А вот преодолеть сопротивление консервативного крыла правительства и Либерально-демократической партии, ни при каких обстоятельствах не

⁶⁴ Там же, л. 42–43, 47.

⁶⁵ Там же, ф. 146, оп. 45, д. 9, л. 92.

⁶⁶ Hasegawa T. *The Northern Territories Dispute*. Vol. 1. Berkeley, 1998. P. 123.

⁶⁷ Цит по: Тихвинский С.Л. Россия – Япония: Обречены на добрососедство. Воспоминания дипломата и заметки историка. М., 1996. С. 102.

⁶⁸ Кимура Х. Курильская проблема: История японо-российских переговоров по пограничным вопросам. Киев, 1996. С. 123; Майнити. 1960. 9 марта.

⁶⁹ Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962. С. 498; Тихвинский С.Л. Указ. соч. С. 103.

⁷⁰ FRUS. 1955–1957. Vol. 23. Pt. 1. P. 202.

⁷¹ Тихвинский С.Л. Указ. соч. С. 102; Hellmann D. *Japanese Foreign Policy and Domestic Politics: The Peace Agreement with the Soviet Union*. Berkeley; Los Angeles, 1969. P. 63.

⁷² Hellmann D. *Op. cit.* P. 38.

желавшего уступать Кунашир и Итуруп, представлялось весьма проблематичным. Однако против предложения Сигемицу единодушно выступили обе властные группировки, и оно не прошло. Причём решающие возражения, к его удивлению, исходили как раз от сподвижников премьера.

Внезапный поворот в позиции японского министра сработал против него самого, поскольку его инициатива в территориальном вопросе шла вразрез с настроениями не только правительства, но и японского общества. Как справедливо замечает американский историк японского происхождения Ц. Хасэгава, министр «стал жертвой собственной публичной политики», в рамках которой его жёсткие выступления за возврат Японии Кунашира и Итурупа породили нереалистичные ожидания в народе⁷³. Так, согласно опросам общественного мнения, летом 1956 г. лишь около 15% населения Японии готовы были удовлетвориться передачей только Хабомаи и Шикотана, а больше половины являлись противниками территориальных уступок Советскому Союзу, отстаивая ещё и два других «спорных» курильских острова⁷⁴. Участник московских переговоров К. Ниидзэки также признаёт, что против намерения Сигемицу «завершить все дела по капитуляции Японии» выступили и общественное мнение страны, и члены правительства⁷⁵. И хотя японская общественность не оказывала решающего влияния на позицию правительства, последнему в этих условиях было легче прийти к заключению, что Сигемицу превысил данные ему полномочия даже с учётом предоставленной свободы рук, и отвергнуть его рекомендации по мирному договору.

Особенно любопытна позиция, занятая Хатоямой, если учесть, что министр выразил на первый взгляд ровно ту умеренную позицию по территориальной проблеме, которой премьер придерживался на протяжении всех последних лет, а именно готовность удовлетвориться возвращением лишь Шикотана и Хабомаи. Хатояма посчитал, что Сигемицу берёт на себя больше, чем следует. Ведь по замыслу премьера министр был послан в Москву для черновой работы по пробиванию максимальных территориальных уступок от Кремля. А то, что он теперь рекомендовал Токио, никаким политическим достижением для Японии не являлось и только в очередной раз демонстрировало её общественности бесперспективность проведения правительством жёсткой линии на переговорах. Более того, предложение Сигемицу простиралось на самом деле дальше намерений самого Хатоямы, который считал целесообразным за возвращение Хабомаи и Шикотана ограничиться лишь восстановлением дипломатических отношений по «формуле Аденауэра», применённой в 1955 г. к послевоенной нормализации между СССР и ФРГ, без подписания мирного договора с Москвой. Эту миссию вполне можно было поручить и Сигемицу, пока тот ещё находился в советской столице, но премьер предпочёл приберечь её для себя, желая завершить свою политическую карьеру эффектным актом и этим войти в историю.

13 августа на специальном заседании японский кабинет министров решил отклонить предложение Сигемицу⁷⁶. Наиболее активным его противником оказался, как ни странно, ближайший соратник Хатоямы и сторонник мирного

⁷³ Hasegawa T. Op. cit. Vol. 1. P. 123–124.

⁷⁴ Hellmann D. Op. cit. P. 81.

⁷⁵ Ниидзэки К. Три волны в японо-советских отношениях // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 1. С. 97.

⁷⁶ Hellmann D. Op. cit. P. 37.

урегулирования с СССР И. Коно, который понимал невозможность реализации этого предложения в той политической атмосфере, какая сложилась в Японии. Считая, что ратификация мирного договора в таком виде в японском парламенте будет заранее обречена на полный провал, он решительно выступил против рекомендации Сигемицу подписать его и настаивал на поездке самого Хатоямы в Москву для улаживания вопроса. Получив отказ японского правительства, Сигемицу записал в дневнике: «Я пытался разрешить спор под свою ответственность, но Токио помешал это сделать»⁷⁷.

В тот же день переговоры в Москве были прерваны в связи с отъездом Шепилова и Сигемицу в Лондон. При этом последний заявил, что должен выехать в Токио для консультаций со своим правительством⁷⁸. Чтобы не создавать у советской стороны впечатления провала переговоров, он оставил в Москве в качестве представителя «японской делегации» Ниидзэки, который провёл в этом статусе два месяца, вплоть до приезда в советскую столицу Хатоямы⁷⁹. В Лондоне японский министр собирался ещё раз переговорить с Шепиловым, а также проконсультироваться с американским госсекретарём Даллесом. 17 августа Хатояма предписал Сигемицу по завершении лондонской конференции по Суэцкому каналу вернуться домой, поскольку сам собирался отправиться в Москву с целью вывести переговоры с СССР из тупика, о чём и объявил два дня спустя⁸⁰. Японский министр иностранных дел резко осудил последние решения правительства и лично Хатоямы как мотивированные соображениями внутренней, а не международной политики⁸¹, расстроившись из-за потери возможности самому завершить начатый процесс нормализации отношений с СССР.

В Лондоне он попросил Шепилова в продолжение московских переговоров ещё об одной встрече по существу, состоявшейся 18 августа, в ходе которой японский дипломат попытался выяснить один упоминавшийся выше важный момент, связанный с визитом министра сельского и лесного хозяйства Коно в Москву в мае 1956 г. Проинформировав Шепилова о том, что японское правительство занимается изучением итогов московских переговоров, которое потребует довольно длительного времени, он попросил советского министра прояснить высказывания Булганина в беседе с Коно 9 мая 1956 г. по территориальному вопросу, поскольку у последнего сложилось впечатление, граничащее даже с уверенностью, о готовности советского руководства проявить гибкость в его решении. По словам Сигемицу, этот запрос, продиктованный желанием помочь успешному ходу переговоров, был вызван отсутствием у Токио записи той беседы и возникшими у японского правительства «некоторыми размышлениями» по поводу советской позиции, основанными на сообщении Коно об этом разговоре⁸².

Хотя у самого Сигемицу, по его признанию, после беседы с Хрущёвым и Булганиным сложилось совершенно ясное представление о советской позиции в территориальном вопросе, японское правительство, похоже, всё ещё питало

⁷⁷ Кимура Х. Указ. соч. Р. 123.

⁷⁸ «Соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и Сикотан». Как готовилась советско-японская декларация 1956 г. // Источник. 1996. № 6. С. 115.

⁷⁹ Ниидзэки К. Указ. соч. С. 97.

⁸⁰ Майнити. 1956. 29 августа.; *Hellmann D.* Op. cit. P. 37.

⁸¹ *Ibidem.*

⁸² АВП РФ, ф. 0146, оп. 57, д. 1, л. 48–50.

определённые иллюзии, которые озвучил присутствовавший на встрече 18 августа Мацумото, спросивший Шепилова, не намекал ли Булганин Коно на возможность уступки Японии, Кунашира и Итурупа⁸³. Советский министр решительно опроверг это предположение, заявив, что не было «даже и тени намёка» на это. Сигемицу же он напомнил, что Булганин говорил Коно о готовности советского правительства пойти на значительную уступку Японии и передать ей при определённых условиях Хабомаи и Шикотан. Но это, добавил Шепилов, максимальная уступка, и на большее СССР пойти не может. Причём лично у него сложилось твёрдое впечатление из советской записи беседы, что Коно ясно понял позицию советского правительства и оценил её как реалистическую и приемлемую⁸⁴.

Сигемицу выразил желание встретиться с Шепиловым в Лондоне ещё раз, «чтобы найти общий язык в переговорах», и получил согласие. В то же время советский министр посетовал на то, что в Токио, видимо, пока не созрели условия для соглашения с СССР. «Если это так, – заключил он, – мы готовы подождать, мы не торопимся»⁸⁵. Предполагаемая вторая встреча министров в Лондоне между тем не состоялась, поскольку в дело вмешалась американская дипломатия, предупредившая японскую сторону о возможных печальных для неё последствиях заключения мирного договора с СССР на условиях передачи ему Кунашира и Итурупа, выражавшихся в угрозе Вашингтона навсегда отобрать у Японии острова Рюкю с Окинавой в соответствии с 26-й статьёй Сан-Францисского договора. Это заявление шокировало Сигемицу, который совсем не предполагал такой трактовки и подтекста, изначально заложенных в данную статью, но с тактической и стратегической точек зрения оказалось очень выгодным для Токио, получившим мощную поддержку от США в территориальном споре с СССР.

Таким образом, переговоры Сигемицу с советскими руководителями на базе обоюдного стремления решить территориальный вопрос завели их в закономерный тупик, который рано или поздно должен был возникнуть по причине фатального недосмотра прежде всего советских (но также и японских) дипломатов и политических руководителей, не разобравшихся или намеренно пренебрегших в пылу безоглядного противоборства с США по всем направлениям тонкими формулировками Сан-Францисского мирного договора 1951 г., фактически запрещавшими Японии признавать за СССР суверенитет на острова Кунашир и Итуруп. А именно по этому поводу Москва и Токио безуспешно ломали копыта более года, лишь после разъяснения Даллеса поняв наконец, что делали это напрасно и что нужно идти таким же простым и коротким путём к нормализации отношений вместо подписания мирного договора, как это сделали годом ранее Москва и Бонн. И в октябре 1956 г. такая корректировка была проведена в ходе визита премьер-министра Хатоямы в Москву, когда между СССР и Японией было прекращено состояние войны и восстановлены дипломатические отношения. Однако прежнее опрометчивое советское обещание по Хабомаи и Шикотану так и осталось «висеть» и даже было ещё сильнее закреплёно документально, завязавшись в тугой нераспутываемый гордиев узел взаимоотношений двух соседей.

⁸³ Там же, л. 49–50.

⁸⁴ Там же, л. 49.

⁸⁵ Там же, л. 50–51.